

«ВЕРНО ЛИ ГОВОРЯТ, ЧТО ДОМ-МУЗЕЙ М. И. УЛЬЯНОВОЙ СДАЮТ В АРЕНДУ?» (ИЗ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА С ВОЛОГЖАНИНОМ Б. А. СОКОЛОВЫМ).

● «ДЕЖУРНЫЙ РЕПОРТЕР»:

— НЕТ, НЕ ВЕРНО...

Надя Рушева ПРОТИВ Марии Ульяновой ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

«В ГЛУБИНЕ небольшого двора на бывшей Московской улице города Вологды, ныне Советском проспекте, стоит двухэтажный деревянный дом с балконами, украшенными балюстрадой с затейливой северной резьбой. На его фасаде установлена мраморная доска с надписью: «В этом доме с августа 1913 года по сентябрь 1914 года жила, отбывая ссылку, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства Мария Ильинична Ульянова с матерью Марией Александровной».

В 1968 году дом реставрирован, и в нем организован мемориальный музей М. И. Ульяновой. Центральное место в экспозиции занимают материалы, рассказывающие о пребывании семьи Ульяновых в вологодской ссылке...

Это — строки из очерка Михаила Водозова «Семья Ульяновых в Вологде», опубликованного в краеведческом сборнике «Вологодские зори» в 1987 году. Совсем недавние времена были «звездными часами» для музея. Его посещение всячески поощрялось и искусственно подогревалось организацией добровольно-принудительных культпоходов, публикациями в местной прессе, изданием всевозможных буклетов, брошюр и значков. Слушатели семинаров системы политического просвещения, сдающие и принимающие «ленинские зачеты» в школах, технику-

мах, вузах, классы и бригады приобщались к революционным истокам по нескольку раз в году. Общую картину посещаемости дополняли туристы.

Вологодский музей М. И. Ульяновой всегда мог рассчитывать на поддержку влиятельного патрона — Центрального музея В. И. Ленина и местных властей, последовательно и настойчиво создававших «в глубине небольшого двора» символ официального партийного культа.

Здесь попытались воссоздать уголок старой, дореволюционной Вологды. Превращение в натуру видоизмененных старых почтовых открыток стоило дорого. В мемориальный комплекс, и сегодня еще далекий от первоначального замысла, вложены большие и отнюдь не лишние для нужд города средства. Однако время меняет взгляды и постулаты, казавшиеся еще вчера неизбежными и вечными, не подлежащими обсуждению и, не дай Бог, критике. В частности, задумаешься, так ли уж нужен городу, сыгравшему в революции весьма скромную роль, столь масштабный, занимающий два здания музей? А если нужен, то оправдываются ли сегодня средст-

ва, необходимые для его содержания?

Заведующая музеем Л. И. Коротышева признает спад общественного интереса к дому М. И. Ульяновой. Она называет число гостей, побывавших здесь с начала года. Цифра солидная, отнюдь не кричащая о кризисе идеи и олицетворяющей ее экспозиции. Но есть в этой статистике своя лукавинка. Дело в том, что с пугливой оглядкой музей берется с недавних пор за организацию выставок, заведомо сулящих зрительский и финансовый успех. Традиционную революционно-партийную тематику с успехом теснят рисунки Нади Рушевой и подборки прекрасных нумизматических коллекций. Общественное сознание, производное от бедственного бытия, тянется к красивому, доброму, смягчающему тяготы жизни, напирające на каждого с флангов и с тыла.

Вполне устроенный быт политссылки М. И. Ульяновой и родственников, живших с нею или призвавших погостить в Вологду, выглядит непонятным и неестественным, подталкивая посетителей к вопросам, на которые трудно дать ответы. Даже если мемориальная квартира с

музыкальным инструментом, кружевными салфетками и накидками, шахматным столиком, качалкой, камином, старым фарфором исторически верна во всех деталях, то это не вызывает чувств, на которые рассчитывали организаторы экспозиции. Раньше гости молчали, теперь спрашивают: почему их жизнь скучнее и беднее, нежели быт человека, вступившего в открытую борьбу с царским режимом?

— Это непринципиально, — считает Л. И. Коротышева. — Музей должен нести в массы воспитательный, духовный заряд.

Возражать специалисту трудно, неблагоприятно и, на верное, неминуемо неприлично. Однако позволю себе не поддакнуть Л. И. Коротышевой.

Воспитательный и духовный заряд человек получает лишь тогда, когда новые знания и впечатления откладываются в подготовленную для их восприятия голову. Всевозможные, рожденные бескрайним и безграничным, как оказалось, плюрализмом издания полны домислов и откровенных скабрзностей о вождях мирового пролетариата и его единомышленниках, дальних родственниках. В

вологодской экспозиции об этом как следовало бы — за, ни — против. Позиция, мимолетно проносящаяся ветры идеологической борьбы. О какой искренности можно говорить, если обширные, хорошо освещенные и обогретенные экспозиционные площади преимущественно пусты, служительница, их охраняющая откровенно скучает?

«Ехидных», а проще говоря, каверзных вопросов, по признанию заведующей музеем, становится все больше. Да и как им не быть, если музей теряет чувства времени, цепляясь за домыслы «профессиональных революционеров» из Института марксизма-ленинизма. Надя Рушева против идеализированной Марии Ульяновой — так стоит вопрос.

Чтобы завоевать сердца умы, нужно искать что-то близкое, понятное и помогающее человеку, нежели макет камеры-одиночки, в которую заключал своих противников царский режим. Это мы уже проходили. Это, увы, успели повторить сами.

Ю. АЛЕКСАНДРОВ.

На снимке: в этом доме жила ссыльная М. И. Ульянова.

Фото Н. ЧЕСНОВА.

